

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Б. МИЛЬНЕР,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЭ РАН

ИТОГИ И УРОКИ

(о книге Дж. Стиглица
“Глобализация: тревожные тенденции”)*

Новая книга известного ученого, лауреата Нобелевской премии в области экономики Джозефа Стиглица “Глобализация: тревожные тенденции” подводит итоги фундаментального и многостороннего исследования новейших явлений в мировой экономике – глобализации, экономического реформирования, перехода к рынку. Само ее название отражает масштаб и значимость рассматриваемых проблем и вместе с тем возрастающую озабоченность путями их решения. Книга получила признание во многих странах мира, поскольку с позиций современной экономической науки помогает осмыслить, оценить и обобщить как сложившиеся тенденции и условия экономического роста, так и особенности и механизмы функционирования экономики отдельных стран и регионов.

Логические и строго научные построения автора, основные положения и выводы, содержащиеся в книге, опираются на кропотливую аналитическую работу, обширный и разнообразный фактический и статистический материал. Длительное время – не менее трех десятилетий – Дж. Стиглиц находился в самой гуще экономических процессов, проводя научные исследования, занимаясь педагогической деятельностью, участвуя в многолетних дискуссиях, делая необходимый выбор и принимая ответственные решения. Наибольшие возможности для анализа и обобщений появились у него, когда он был назначен главой Совета экономических консультантов при президенте США, а затем – главным экономистом и первым вице-президентом Всемирного банка. Ему довелось посетить десятки стран мира, беседовать со многими государственными чиновниками, министрами финансов и экономики, управляющими центральных банков, учеными и специалистами, людьми, занятыми проблемами развития, работниками негосударственных организаций, банкирами, бизнесменами, политическими деятелями.

Как никто другой, Дж. Стиглиц способен исследовать исключительно сложные многоаспектные проблемы первостепенной значимости. Ученый с широким кругом интересов, он сделал большой вклад в становление и развитие новейших разделов экономической науки – информационной экономики, экономики общественного сектора, экономического роста, путей перехода к рынку, создания конкурентной среды.

* Стиглиц Дж. **Глобализация: тревожные тенденции**. М.: Мысль, 2003, 300 с. (Stiglitz J. **Globalization and Its Discontents**. New York, London, W.W. Norton & Company, 2002).

Обращает на себя внимание своеобразный жанр книги: строгий научный анализ, доказательность фактов и обобщений, исторические экскурсы сочетаются с публицистикой в лучшем смысле этого слова, острой полемикой и личными впечатлениями. В книге, имеющей бесспорную научную ценность, неоднократно подчеркивается стремление автора быть свободным от идеологических пристрастий, подходить к рассмотрению проблем с позиций исследователя, опираться на неопровержимые доказательства и свидетельства, не подгонять факты под взгляды тех, кто привлек его к определенной работе.

Главный объект анализа в книге – глобализация. К каким бы вопросам ни обращался автор, очевидно, данный феномен, представляющий собой устранение барьеров на пути свободной торговли и тесную интеграцию национальных экономик, обладает огромным потенциалом развития в условиях исторически сложившегося многообразия мира. Всестороннее и целенаправленное использование этого потенциала открывает возможности для повышения уровня жизни населения многих стран, в том числе и беднейших.

В содержании понятия глобализации можно выделить несколько уровней – общемировой, государственный, отраслевой и уровень отдельной компании. Она складывается из множества глубинных трансформаций, происходящих в различных сферах человеческой деятельности. Не случайно составной и едва ли не главной частью процессов глобализации стали экономическое реформирование, переход к рыночной экономике с тем, чтобы, опираясь на опыт развитых стран, обеспечивать устойчивый экономический рост и повышение жизненного уровня населения. С глобализацией, которая сопровождается созданием новых институтов, работающих в наднациональных рамках, связывается возникновение единого мирового экономического и информационного пространства.

Однако книга Дж. Стиглица не столько об этом, сколько о том, почему большому числу стран глобализация не принесла ожидаемых экономических выгод. Польза от глобализации часто была гораздо меньше, чем утверждали ее защитники, а ее цена – намного выше, поскольку разрушалась среда обитания, не учитывались тенденции и национальные особенности стран, в политические процессы проникала коррупция, быстрые перемены не давали странам времени для адаптации.

Политика и предписания Международного валютного фонда, согласно которым рынки сами по себе обеспечивают успешное развитие экономики, не признавали допустимость государственного вмешательства в функционирование рынков, отрицали необходимость мер, могущих стимулировать рост и обеспечить повышение жизненного уровня населения. Экономическая политика, оформленная в виде Вашингтонского консенсуса (консенсуса между МВФ, Всемирным банком и министерством финансов США относительно “правильной” политики для развивающихся стран), оказалась неадекватной для стран, находящихся на ранних стадиях развития и в начале переходного периода. В этом случае продемонстрировали свою неэффективность и тотальный протекционизм, и скоропалительная либерализация.

Общеизвестны огромная неравномерность экономического развития, сохранение и даже увеличение разрыва между бедными и богатыми странами. На индустриальные страны, где проживает 19% населения мира, приходится 71% глобальной торговли, 58% прямых иностранных инвестиций, 91% всех пользователей Интернета. Существенно возросшие материальные возможности мировой экономики, нарождающееся новое качество глобальной общности человечества выдвинули на первый план вопрос о более справедливом распределении выгод глобализации, придании ей “человеческого лица”, оказании помощи той группе государств, которые своими силами не в состоянии преодолеть застой и деградацию.

Развитие большинства стран, следовавших положениям Вашингтонского консенсуса, было медленным. Там, где рост происходил, его плоды распределялись неравномерно. Избирались ошибочные меры антикризисной политики. Переход к рыночной экономике во многих случаях привел к разочаровывающим результатам. Растущая “волна” возмущения против политики подобной глобализации, массовое протестное движение против ее негативных тенденций стали мощными вызовами, с которыми нельзя не считаться. Это существенно меняет обстановку в мире и требует коренных перемен в проводимой политике.

Обращаясь к опыту восточноазиатских стран, Дж. Стиглиц утверждает, что в результате проведенных реформ эти страны “добились успехов не только вопреки тому, что не последовали в большей части диктату Вашингтонского консенсуса, но *именно потому*, что они ему не последовали” (с. 117). Действительно, сочетание высокой нормы сбережений, государственных вложений в образование и направляемой государством промышленной политики способствовало превращению региона в мощный генератор экономического роста. Его темпы были феноменальными на протяжении десятилетий, и уровень жизни миллионов людей неизмеримо вырос. Плоды экономического “чуда” широко распределялись среди населения. Развитие азиатской экономики сталкивалось с проблемами, но в целом правительствам удалось сформировать работоспособную стратегию – стратегию, в которой не было ни одной точки соприкосновения с политикой Вашингтонского консенсуса за исключением важности поддержания макростабильности.

Особое внимание хотелось бы обратить на исследуемый автором основополагающий вопрос – *о ценностной ориентации экономических реформ*. И в истоках реформирования, и в его целевых установках должны лежать ценности, отражающие осознанные стремления народов и стран. На этом фундаменте зиждутся взаимосвязь и взаимовлияние экономической и социальной политики, использование традиционных институтов и норм, соотношение мировых императивов и культурной идентичности. При определении намерений и пределов деятельности национальных институтов это обязательно следует учитывать.

Именно из ценностных ориентаций вытекает постановка одного из ключевых вопросов – о степени обеспокоенности проблемой бедности, то есть какой долей совокупного дохода общество готово пожертвовать для хотя бы некоторого улучшения положения бедных? Или такого: насколько нужно быть озабоченным состоянием среды обитания (какая степень деградации среды приемлема, если от этого зависит величина ВВП)? Какое внимание следует уделять демократическому устройству (готово ли общество к компромиссу в области соблюдения основных гражданских прав, таких, как право на свободу ассоциаций, если считается, что это приведет к ускорению темпов экономического роста)?

Уже можно считать доказанным (такую позицию разделяет и автор книги), что *нет и не может быть одной единственной модели рыночной экономики*, способной учитывать все многообразие жизненных условий стран мира. Сравнительный анализ различных моделей, предпосылок их возникновения и особенностей функционирования свидетельствует о непригодности стандартного и однонаправленного набора экономических и политических мероприятий. Доминирование определенной концепции перехода к рынку не только лишает страны свободы собственного выбора, но и в значительной мере обуславливает их неудачи на этом пути. Названный постулат позволяет экономической теории выявлять и исследовать множество подходов к формированию и функционированию рыночных экономических систем.

Экономические структуры регионов мира существенно различаются. Шаг за шагом автор вскрывает несовпадения между японской и германской, шведской и американской, европейскими и азиатскими моделями, выявляя их специфику не только в механизмах и методах решения экономических проблем, но и в достигаемых результатах, особенно в социальной сфере. В целом ряде стран показатели неравенства и бедности ниже, а состояния здоровья населения и других составляющих жизненного уровня выше, чем в США. Несмотря на то что рынок образует “ядро” как шведской, так и американской модели капитализма, государство играет в них существенно разную роль. В Швеции государство берет на себя намного большую ответственность за социальное обеспечение: оно предоставляет населению более качественные услуги общественного здравоохранения, страхования от безработицы, пенсионного обеспечения, чем в США. Дело здесь не только в неодинаковых подходах к приватизации, рыночной либерализации, политике фискальной экономии – трех столпах Вашингтонского консенсуса, но и в той важной роли, которую играет государство, корректируя провалы рынка и *обеспечивая социальную справедливость*. Рыночный механизм, предоставленный самому себе, оставляет большому числу людей слишком мало ресурсов для выживания.

Позиция автора как ученого и как профессионала-практика в этом вопросе определилась давно. Он пишет: “Я всегда отстаивал сбалансированный взгляд на роль государства, признавая ограничения и провалы как рыночного механизма, так и государства, но всегда предполагая, что они действуют совместно, на условиях партнерства, причем точные рамки этого партнерства определяются по-разному для различных стран в зависимости от уровня их политического и экономического развития” (с. 255).

Проблемы государственного управления и регулирования в последние десятилетия не сходили с повестки дня экономической науки. Исследования фокусировали внимание на том, почему и при каких условиях рынки функционируют хорошо или плохо, почему рыночный механизм может вести к недопроизводству в одной сфере и к перепроизводству – в других. “Наиболее драматичными отказами рыночного механизма” считаются такие периодические срывы, как рецессии и депрессии, приводящие к росту безработицы и незагруженности значительной части производственных мощностей. Но речь идет не только о корректировке провалов рынка. Государство ответственно за обеспечение социальной справедливости, за ориентацию экономических процессов на развитие человеческого потенциала. Все больше людей согласны с тем, что оно должно способствовать эффективно и гуманно функционированию любого общества и любой экономики. Кроме того, всюду, где информация на рынке является несовершенной, необходимо вмешательство государства.

Рассматривая взаимоотношения государства и рынков как взаимодополняющие, Дж. Стиглиц выступил с идеей “вторичного изобретения государства” – государства более эффективного и отзывчивого, специальные интервенции которого как лучший способ борьбы с провалами рынка должны упреждать возникновение проблем и корректировать их, если они появились. Дело не столько в том, что размеры государства сейчас чрезмерно велики, сколько в том, что оно делает не то, что надо.

“Вторичное изобретение государства” становится событием нового века. Извлекая уроки из прошлого, отбрасывая излишние функции и добавляя новые, диктуемые интересами дополнения рынка и обеспечения справедливости в обществе, государство призвано играть определенную роль в эффективном и гуманном функционировании любой экономики. Профессионально подходя к анализу информационной экономики, экономики об-

щественного сектора и проблем развития, Дж. Стиглиц наделяет государство чертами и свойствами, необходимыми в новых условиях. В частности, информационная экономика с ее более точным анализом рынков труда, капитала и товаров позволяет конструировать макроэкономические модели, которые дают возможность глубже исследовать причины безработицы, объяснять флуктуации, рецессии и депрессии.

Опираясь на опыт, приобретенный во время работы в разных частях мира, Дж. Стиглиц представил в широком социально-экономическом контексте проблему *причинно-следственных связей, взаимозависимостей и взаимовлияний различных преобразований в ходе экономических реформ*. Анализируя с этих позиций концепцию МВФ и ее реализацию в стратегиях реформ ряда стран, он приходит к заключению о “фундаментальном непонимании процессов”, о “грубых промахах”, о том, какими “катастрофическими последствиями чревато игнорирование правильной последовательности реформ”, о “крайне ограниченных условиях” действия теории “невидимой руки” А. Смита.

Соблюдение правильной последовательности реформ и “социальных контрактов”, связывающих граждан друг с другом и с правительством, – вопрос принципиальный. То, что объективно должно происходить “после”, нельзя *навязывать* экономике “до”, и наоборот. Вообще мотив “навязывания” проходит практически через всю книгу. Им во многом объясняются экономически (да и политически) неоправданные и приведшие к большим потерям условия и предписания МВФ. В значительной мере это касается и России.

Очевидным становится ответ на вопрос о том, допустима ли либерализация *до того*, как создана социальная страховочная “сетка”, образован каркас адекватного регулирования, появились предпосылки создания новых рабочих мест. Либерализация торговли, сопровождаемая высокими процентными ставками, есть почти безотказный рецепт уничтожения рабочих мест и увеличения безработицы. Недопустимо навязывать приватизацию *до того*, как сформирована адекватная система регулирования и поддержания конкуренции.

Анализируя позитивные и негативные последствия приватизации в разных частях мира, автор заявляет: “Приватизация должна быть частью более обширной комплексной программы, которая влечет за собой создание рабочих мест *в тандеме* с неизбежной их ликвидацией, с которой часто связана приватизация. Должна быть принята на вооружение макроэкономическая политика, включающая низкие процентные ставки и помогающая создавать рабочие места” (с. 80).

Обращаясь к недавнему прошлому, можно утверждать: защитники безоглядной приватизации не понимали, что без соответствующей правовой структуры и рыночных институтов новые собственники скорее склонны к “уводу” активов, чем к использованию их в качестве базы для промышленного развития. Если приватизация не сопровождается политикой поддержания конкуренции и ограничением злоупотреблений монопольным положением, то это может привести (и приводило) к установлению более высоких цен для потребителей.

Рассмотрим подробнее вопрос о связи изменения форм собственности (приватизации) с эффективностью управления. Приватизация реально содействует более высоким темпам роста, когда ей сопутствуют создание системы регулирования, реструктуризация корпораций, усиление контроля за их управлением. Сторонники рыночного фундаментализма полагают, что, как только права частной собственности будут установлены, все остальное возникнет само собой, включая институты и правовые структуры, обеспечивающие функционирование рыночного механизма. Вот почему можно считать бесспорным достижением экономической теории доказательство того,

что некомплексное проведение реформ приводит не к становлению эффективной рыночной экономики, а к фактическому ухудшению социально-экономического положения в стране.

Реформирование экономики и отдельной компании означает не только изменение привычных связей, используемых методов, правил торговли и ценообразования, устоявшихся структур, но и ломку сложившихся представлений о том, как управлять организациями, вести дела, добиваться успеха. Именно в такой ситуации появляются новые стереотипы мышления и лидеры перемен. Квалификационный портфель (набор компетенций и умений каждого руководителя и работника) позволяет компаниям более гибко и своевременно реагировать на изменения внешней среды, реально адаптироваться к новым “правилам игры” и условиям рыночной экономики. На первый план выходит конкуренция не столько в области товаров, услуг и технологий, сколько в организации и методах управления.

Проведение реформ в научно обоснованной последовательности невозможно в отсутствие профессионального управления. Сегодня лидером трансформации становится настоящий менеджер-профессионал, способный преодолеть инерционность, устоявшиеся стереотипы и овладеть методами стратегического управления. Уже во многих российских компаниях профессионализм управляющих выступает опосредованной формой новых ценностных ориентиров. Без формирования корпуса современных менеджеров-профессионалов нельзя ни поддерживать экономический рост, ни преодолевать бедность, ни продвигаться по пути реформ.

В теории переходного периода признается большое значение *институтов*. Эти правовые и регуляторные системы гарантируют выполнение контрактов, упорядочивают разрешение коммерческих споров и процедуры банкротства, обеспечивают поддержание конкуренции и соблюдение норм банковского регулирования, проведение честных операций на фондовом рынке и защиту прав акционеров. Реформаторы ряда стран, в том числе и российские, как считает Дж. Стиглиц, если и “упоминали об этой институциональной инфраструктуре, то лишь мельком” (с. 172). Они пытались “сократить дорогу” к капитализму, создавая рыночную экономику без фундаментальных институтов, а институты – без фундаментальной инфраструктуры. Это – сверхупроценная версия рыночной экономики, проповедуемая рыночными фундаменталистами в стандартных учебниках “экономикс”. Ирония судьбы: такой подход к рыночной экономике автор называет “большевистским”.

“Шокотерапевтам” удалось взять верх над “постепеновцами” – теми, кто считал, что переход к рыночной экономике будет осуществляться эффективнее при продвижении с разумной скоростью, в надлежащем порядке. Предлагаемый “постепеновцами” курс действий был предельно ясен: если двигаться слишком быстро, то экономические провалы в сочетании с политической коррупцией откроют путь к откату либо в крайне левом, либо в крайне правом направлении. Такова цена “шокотерапии”, и во многом она была заплачена. Ее детище – эрзац-капитализм. Немало близких к этому тенденций и результатов обнаруживается и в России.

В данной связи представляет интерес содержащийся в книге детальный анализ *альтернативных стратегий* реформ. Они обеспечивают меры поддержания конкуренции *до начала* приватизации, гарантируют, что либерализация торговли сопровождается созданием рабочих мест. Эти стратегии включают проведение земельной реформы, но не предусматривают либерализацию рынка капитала. Польша и Китай – два примера выбора подобного пути. Их успехи достигнуты благодаря следованию стратегиям, существенно отличающимся от той, что предлагает Вашингтонский консенсус.

В Польше быстро осознали, что шоковая терапия приводит к снижению гиперинфляции, но непригодна для осуществления позитивных социальных изменений. Последовал переход к политике постепенной приватизации. Этому сопутствовали создание банков, правоохранительной системы, расширение демократической поддержки реформ. Реструктуризация предшествовала приватизации, формируя новый, динамичный сектор экономики – малый бизнес.

Как советник китайского правительства Дж. Стиглиц (вместе с другим нобелевским лауреатом К. Эрроу) добивался того, чтобы избежать шаблонных подходов, решать задачи стимулирования созидательной конкуренции, создания новых предприятий и рабочих мест раньше, чем приватизации и реструктуризации. Старая экономика вытеснялась по мере формирования новой. Китай стал самым большим получателем иностранных инвестиций среди возникающих рыночных экономик. Он поддерживал и умножал социальный капитал, проводя стратегический курс, в корне отличный от рекомендаций МВФ.

Российским реформам Дж. Стиглиц уделяет особое внимание: он отслеживает и оценивает их динамику на протяжении всей работы и вместе с тем посвящает им специальную главу. Несоответствие между ожиданиями и реальностью – главный его вывод. Он считает, что до сих пор существует “слабое представление о том, куда должна идти Россия” (с. 222). Это касается отсутствия стратегии как борьбы с бедностью, так и решения проблемы повышения темпов экономического роста. Резкой и убедительной критике подвергнута политика МВФ по отношению к России, при этом доказывается, что его программа “стабилизация – либерализация – приватизация”, в сущности, не была программой роста.

Очевидно, серьезные недостатки, ошибки и провалы в деятельности МВФ и других международных экономических организаций связаны с системой управления. Глобальные коллективные действия, в которые вовлекаются наднациональные органы, государства, институциональные звенья разных уровней, *нуждаются в научном обосновании процессов и методов принятия решений*. Глобализация сопровождается созданием новых институтов. Если перед первой мировой войной в мире насчитывалось около 50 межправительственных организаций, то в настоящее время – более 300, а число неправительственных организаций – несколько тысяч. Три главных института, управляющих процессами глобализации, – МВФ, Всемирный банк и ВТО.

Критикуя деятельность международных экономических организаций (прежде всего МВФ), Дж. Стиглиц обращает особое внимание на их роль в решении главных экономических проблем последних двух десятилетий, включая финансовые кризисы и переход многих стран к рыночной экономике. Приведем его общую оценку: “Есть система, которую можно назвать “глобальным управлением без глобального правительства”, такая, в которой кучка институтов – Всемирный банк, МВФ, ВТО – и кучка игроков – министерства финансов, внутренней и внешней торговли, тесно связанные с финансовыми и коммерческими интересами, – доминируют на сцене, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остается почти безгласным” (с. 41).

Настало время изменить многие правила управления мировым экономическим порядком, пересмотреть процедуры принятия решений на международном уровне, равно как и то, в чьих интересах они принимаются. Первоочередным становится вопрос о том, кто кому и чему служит, а точнее, какой должна быть *система ответственности* в Международном валютном фонде. Ведь МВФ – организация общественная, за ней стоят налогоплательщики всего мира. Поэтому он должен отчитываться и перед теми, кто его финансирует, и перед теми, чью жизнь затрагивает его деятельность.

В настоящее время ведущая роль в международных экономических институтах и прежде всего в МВФ принадлежит коммерческим и финансовым кругам богатейших промышленных стран. Эти институты подотчетны их министерствам финансов и центральным банкам. Контроль же осуществляется посредством сложной процедуры голосования, основанной преимущественно на учете соотношения экономических потенциалов развитых стран. Коммерческие и финансовые группировки заинтересованы в сохранении барьеров на пути торговли и субсидий. “То обстоятельство, – пишет Дж. Стиглиц, – что торговые барьеры поднимают потребительские цены, волнует их гораздо меньше, чем их прибыли, а проблемы среды обитания и труда волнуют их еще меньше, да и то как препятствия, которые должны быть преодолены” (с. 38).

В деятельности Международного валютного фонда слишком велика роль идеологии и сильна вера в свою институциональную непогрешимость. При чем иерархическая структура управления Фондом используется для поддержания определенной мировоззренческой доминанты во всем институте. В результате он испытывает затруднения при изменении внешней среды. Видимо, поэтому во многих случаях решения в МВФ принимались, как полагает Дж. Стиглиц, на основе странной смеси идеологии, плохой экономической науки и догм, лишь слегка прикрывавших особые интересы.

Перед мировым сообществом стоит задача разработки и реализации комплексной стратегии дальнейших реформ, охватывающих как серьезные изменения международного экономического порядка, так и преобразования, осуществляемые внутри отдельных стран. Уроки прошлого и намечаемые перспективные направления окажут неоценимую помощь при формировании политики, ориентированной на улучшение условий жизни людей и создание для каждого возможностей добиться успеха.